

ГИППОКРАТ (ок. 460 — ок. 377 до н. э.), греческий врач и педагог, чье

имя связывается в представлении большинства людей со знаменитой клятвой, которая символизирует высокие этические нормы европейской медицины. Гиппократ, которого называют «отцом медицины», считается автором обширного собрания греческих медицинских сочинений. Сведения о его жизни скудны и малодостоверны, самая ранняя из сохранившихся биографий написана Сораном Эфесским лишь пять веков спустя после смерти великого медика. Невозможно оценить источники Сорана, но многое в его повествовании является несомненным вымыслом. Соран датирует рождение Гиппократа 460 г. до н. э. и относит период его активной деятельности ко времени Пелопоннесской войны (431—404 до н. э.); кроме того, он приводит разные мнения относительно возраста, до которого дожил Гиппократ. Все авторы согласны с тем, что Гиппократ прожил очень долгую жизнь, не менее 90 лет. Эта хронология подтверждается источником того времени: в «Протагоре» Платона Гиппократ упомянут как ныне живущий врач, обучающий медицине за плату. Диалог написан в начале IV в. до н. э., а действие в нем разворачивается в 432 до н. э. Аристотель называет Гиппократа «великим», поэтому не может быть сомнения в том, что выдающийся врач, носивший это имя, действительно жил в конце V в. до н. э.

Хотя Гиппократ был уроженцем острова Кос, он, судя по всему, путешествовал и практиковал в других частях греческого мира. В античных источниках мы встречаем утверждение, что Гиппократ был вынужден покинуть Кос из-за обвинения в поджоге, но у нас нет никаких сведений о том, что свою репутацию он завоевал именно на Косе.

Местом действия большинства случаев, описанных в тех двух книгах трактата «Эпидемии», которые считаются принадлежащими самому Гиппократу, являются Фасос, маленький остров в северной части Эгейского моря, и Абдера, ближайший к нему город на материке; в тех же книгах встречаются упоминания о Кизике на южном берегу Пропонтиды (совр. Мраморное море), о Ларисе и Мелибее в Фессалии. Традиционно считалось, что Гиппократ умер в Ларисе.

Второе и последнее дошедшее упоминание Гиппократа современным мы находим также у Платона, в «Федре», где говорится, что Гиппократ считал хорошую теорию более важной для медицины, чем чисто эмпирические наблюдения. Эту точку зрения трудно согласовать с некоторыми сохранившимися сочинениями из Гиппократова сборника. Существует множество более поздних упоминаний Гиппократа, но они относятся уже не к нему самому, а к обширному корпусу сочинений, дошедших до нас под его именем.

Дошедший до нас Гиппократов корпус («Гиппократов сборник») содержит ок. 70 отдельных сочинений, хотя ясно, что некоторые из них — части некогда единых трудов. Кроме того, здесь обнаруживается определенное перекрытие одних сочинений другими и повторы. Собрание содержит как собственные сочинения Гиппократа, так и творения других авторов, написанные в разное время. Высказывались предположения, что корпус представляет собой скорее остатки медицинской библиотеки, чем работы авторов, принадлежавших к одной школе. Некоторые из сочинений свидетельствуют о развитой научной мысли и мастерстве клинических наблюдений и потому считаются более «подлинными», чем остальные. Но даже по этому вопросу нет общепринятого мнения: есть исследователи, которые вообще сомневаются в существовании сочинений, принадлежащих самому Гиппократу.

Судя по всему, корпус был сформирован и приписывался Гиппократу уже в I в. н.э., когда Эроциан, врач эпохи правления Нерона, соста-

вил словарь гиппократовых терминов. Сохранились комментарии к важнейшим гиппократовым сочинениям, написанные Галеном во II в. н. э. Некоторые трактаты корпуса датируются временем жизни Гиппократа, другие, по-видимому, относятся к III—IV вв. до н. э.

Вероятно, к V в. до н. э. относится трактат «О древней медицине», где обсуждается проблема обучения искусству врачевания. Его автор (возможно, не Гиппократ) отвергает объяснение заболевания взаимодействием натурфилософских «основных качеств» (теплое, холодное, влажное, сухое), указывает на значение диеты и роль определенных «соков» организма. Он подчеркивает, что медицина имеет дело скорее с относительными, чем с абсолютными факторами: что полезно для одного, может оказаться вредным для другого, или то, что полезно в одно время, может быть вредным в другое.

Трактаты Гиппократа сборника привели к развитию нового направления медицинской науки — прогноза. Самое известное из прогностических произведений корпуса — «Афоризмы». Начало первого афоризма общеизвестно, хотя мало кто знает его продолжение, как и то, что он взят из Гиппократа корпуса: «Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен делать все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности». Другое хорошо известное изречение также впервые встречается в «Афоризмах»: «В самых сильных болезнях нужны и средства самые сильные, точно применяемые». Но чаще всего здесь обобщаются наблюдения чисто медицинского характера: «Беспричинная усталость указывает на болезнь»; «Когда пищу потребляют в излишнем количестве, это ведет к болезни, о чем явно свидетельствует излечение»; «Лучше, чтобы лихорадка наступала после конвульсий, чем конвульсии — после лихорадки».

Вероятно, «Афоризмы» — это не специальное сочинение, а собрание ценных наблюдений и советов из более ранних сочинений. Здесь мы находим не только краткие обобщения: в некоторых афоризмах подробно описано все течение болезни, и изучающие медицину, несомненно, находили их весьма полезными.

Учение о «критических днях» появляется уже в «Афоризмах», а затем многократно встречается по всему корпусу. Благодаря клиническим наблюдениям обнаружилось, что при некоторых заболеваниях обострения происходят через приблизительно одинаковые промежутки времени после начала болезни. Особенно хорошо это прослеживалось в возвратных лихорадках при малярии. Принципу критических дней, которые определяют течение болезни в сторону улучшения или ухудшения, была дана обобщенная формулировка; особенно важным считался период в семь дней.

Сочинения Гиппократова корпуса придают огромное значение соблюдению правильного режима (греч. «диета»), под которым понимается не только диета в современном смысле, но и весь образ жизни больного. Трактат «О диете» — самое раннее сочинение по профилактической медицине, он посвящен не только восстановлению здоровья в случае заболевания, но и его сохранению с помощью правильного режима.

Знания физиологии в этот период находились в зачаточном состоянии. Хотя о существовании кровеносных сосудов было хорошо известно, считалось, что по ним движется не только кровь, но и другие субстанции; функции сердца и различие между венами и артериями были неизвестны. Слово «артерия» применялось, но обозначало любые крупные сосуды, а также, например, трахеи. В частности, считалось, что кровеносные сосуды переносят воздух, жизненная функция которого признавалась, ко всем частям тела. Хотя это представление и кажется примитивным, в нем трудно не увидеть предвосхищения со-

временных знаний о процессе насыщения крови кислородом и его связи с сознанием и мышечной деятельностью. Труднее всего было объяснить, как усваивается организмом пища, превращаясь в ткани, кровь, кость и т.п. Самым распространенным было следующее объяснение: пища, например хлеб, содержит мельчайшие невидимые частички всех тканей организма, они отделяются друг от друга, а потом тело их соответствующим образом накапливает.

Соотношение медицины и религии, нашедшее отражение в Гиппократовом корпусе, — интересная и сложная проблема. Люди всегда были склонны связывать болезни, а тем более эпидемии с немилостью богов. В «Илиаде» эпидемия, которая поражает греческую армию под Троей, приписывается гневу Аполлона: если бога умиловить, она прекратится. Авторы Гиппократова корпуса критикуют представления о божественном происхождении болезней, полагая, что любое природное явление имеет естественную причину. Критика автора направлена не против религиозных верований как таковых, но против «магов, очистителей, шарлатанов и обманщиков, которые прикидываются имеющими благочестия более всех других и больше всех других смыслящими».

Подобный подход мы видим и у автора раздела «О сновидениях», которым завершается сочинение «О диете». Автор оставляет в стороне вопрос о том, действительно ли вещие сны посылаются небесами, чтобы предостеречь государства или отдельных людей, и согласен оставить исследование этой проблемы профессиональным толкователям снов. Он лишь отмечает, что многие сны — результат определенных состояний организма. Толкователи ничего не могут с ними поделать, единственное, что им остается — посоветовать видящему сны молиться. «Молитва, — допускает автор фрагмента, — это хорошо, но, вызывая к помощи богов, человек должен взять часть ноши на себя».

Содержащаяся в корпусе клятва Гиппократа позволяет судить о практической деятельности раннегреческой медицинской школы. Некото-

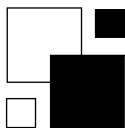

О Г и п п о к р а т е

рые ее места кажутся загадочными. Но она замечательна своим стремлением установить высокие моральные нормы врачебной профессии. Учения Гиппократова оказали сильнейшее влияние не только на древнюю, но и на современную медицинскую практику. В древности книги Гиппократова корпуса были переведены на латинский, сирийский и арабский языки.

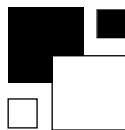

Клятва представляет собой ценный документ, освещающий нам врачебный быт медицинских школ в эпоху Гиппократов.

В древние времена медицина была семейным делом; она культивировалась в недрах определенных фамилий и передавалась от отца сыну. Затем рамки ее расширились, врачи стали брать учеников со стороны. Так свидетельствует Гален. И у Платона есть указания, что врачи в его время обучали медицине за плату; для примера он берет как раз Гиппократов. Правда, об этой стороне дела в «Клятве» не упоминается; там ученик должен войти как бы в семью учителя и помогать ему в случае, если он будет нуждаться, но денежный договор мог составляться особо. Вступая в врачебный цех, или корпорацию, врач должен был вести себя соответствующим образом: воздерживаться от всяких предосудительных действий и не ронять своего достоинства. Формулированные в «Клятве» правила врачебной этики оказали большое влияние на все последующие времена; по образцу ее составлялись факультетские обещания, которые произносили доктора медицины при получении степени в Парижском университете и в старой России. Несомненно, Гиппократова клятва была вызвана необходимостью отмежеваться от врачей-одиночек, разных шарлатанов и знахарей, которых, как мы узнаем из других книг, в те времена было немало, и обеспечить доверие общества врачам определенной школы или корпорации асклепиадов.

КЛЯНУСЬ Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигиеей и Панакеей¹ и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они не хотят его изучать, преподавать им безвозмездно и безо всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении² сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому. Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно

буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом³. В какой бы дом я ни пошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной⁴. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому⁵.

¹ Аполлон считался в послегомеровское время врачом богов. *Асклепий* (римский Эскулап), сын Аполлона, бог врачебного искусства; *Гиги́ея*, дочь Асклепия, богиня здоровья (отсюда наша «гигиена»); ее изображали цветущей девушкой с чашей, из которой пила змея. *Пана́кея*, всеисцеляющая, другая дочь Асклепия; отсюда «панацея», лекарство от всех болезней, которое искали средневековые алхимики.

² Здесь перечисляются виды преподавания. Наставления заключали в себе, может быть, общие правила врачебного поведения и профессии, если судить по одноименной книге Гиппократова сборника, поме-

щенной в этом издании. Устное преподавание состояло, вероятно, в систематических чтениях по различным отделам медицины. По крайней мере во времена Аристотеля так назывались лекции, которые он читал слушателям и которые потом в обработанном виде издавались; такова, например, его «Физика». «Все остальное» включало в себя, вероятно, практическую часть преподавания у постели больного или операционного стола.

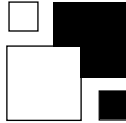
³ Эта фраза всегда вызывала у комментаторов некоторое недоумение, почему врач не должен был производить литотомии — операции, давно известной у египтян и греков? Проще всего, конечно, ответить в согласии с текстом, что операцию эту производили особые специалисты, как это было в Египте и на Западе в конце средних веков; вероятно, они также были объединены в особые организации и владели секретами производства и организованный врач не должен был вторгаться в чужую область, в которой не мог быть достаточно компетентным, не роняя своего престижа. Предполагать, что операция эта или даже вообще все операции были ниже достоинства врача и представлялись низшему врачебному сословию, — нет никаких оснований; Гиппократов сборник достаточно опровергает это.

⁴ Запрещение врачу, давшему клятву, разглашать чужие тайны, пройдя через века, превратилось в законодательствах в закон, карающий за разглашение тайн, с которыми врач ознакомился при своей профессиональной деятельности. Но мало-мальски внимательное чтение показывает, что в клятве вопрос ставился шире: нельзя вообще разглашать компрометирующие вещи, виденные или слышанные не только в связи с лечением, но и без него. Цеховой, организованный врач не должен быть злостным сплетником: это подрывает доверие общества не только к нему, но и ко всей его корпорации.

⁵ Привожу для сравнения «факультетское обещание», которое в прежнее время, после удовлетворительной защиты диссертации и провоз-

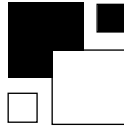
глашения диссертанта доктором, читалось ему деканом факультета и которое новый доктор подписывал. Оно же печаталось на обратной стороне диплома. «Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачить чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия. Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми силами ее процветанию, сообщая ученому свету все, что открою. Обещаю не заниматься приготовлением и продажей гнилых средств. Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности; однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицемерия. В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных; когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

В приведенном обещании можно различить 3 части, каждая из которых имеет своим первоисточником Гиппократов сборник. Из них первая, имеющая своим предметом больного, непосредственно примыкает к «Клятве». Вторая — о врачебных секретах и тайных средствах — является отзвуком той борьбы, которую греческие врачи V в. до н. э. вели со всякого рода шарлатанством — это читатель ясно увидит из следующих книг. В частности, фраза: «...сообщая ученому свету все, что открою» — представляет пересказ фразы: «они отдают в общее сведение все, что приняли от науки», которая характеризует мудрого врача в книге «О благоприличном поведении», гл. 3. И, наконец, третья часть об отношении врача к коллегам и консультации довольно близко передает то, что можно прочесть в «Наставлениях», гл. 8.

«Закон» представляет собой небольшое сочинение, вероятно, назначенное для произнесения в публичном собрании. Оно написано каким-нибудь ятрософистом, т. е. врачом, получившим софистическое образование, знакомым с риторикой, что доказывают многочисленные сравнения, стиль, отчасти сохранный и в переводе, и некоторые термины. С другой стороны, автор, несомненно, был врачом, получившим правильное образование в недрах какой-нибудь корпорации, на что указывает и последний параграф, трактующий о том, что многого нельзя сообщать профанам; это имеется и в «Клятве». Тема «Закона», жгучая для того времени, — борьба с псевдоврачами, людьми невежественными, роняющими достоинство медицины; причину ее упадка автор видит в отсутствии соответственного законодательства. Далее следует перечисление тех условий, которые необходимы, чтобы стать хорошим врачом, правда, в самом общем виде. Книга эта известна с древности; она внесена в список Эротiana.

МЕДИЦИНА поистине есть самое благородное из всех искусств. Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, она далеко теперь ниже всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно не отделимо. Мне кажется, что эти последние весьма похожи на тех лиц, которых выпускают на сцену в трагедиях¹, ибо как те принимают наружный вид, носят одежду и маску актера, не будучи, однако, актерами, так точно и врачи; по званию их много, на деле же — как нельзя менее.

2. Тому, кто захочет приобрести себе действительное познание медицины, необходимо иметь: природное расположение, обучение, удобное место, наставление с детства, любовь к труду и время. Итак, прежде всего необходимо природное расположение; если природа противодействует — все тщетно; если же она сама показывает путь ко всему наилучшему,

тогда уже совершается изучение искусства, которое должно приобретать себе с разумением, пользуясь наставлением с детства и в месте, от природы хорошо приспособленном для науки. Сюда же необходимо еще присоединить многолетнее прилежание, чтобы учение, укоренившись прочно и глубоко, приносило зрелые плоды.

3. В самом деле, зрелище того, что рождается из земли, показывает то же, что изучение медицины. Действительно, природа наша — это есть поле, а наставления учителей — семена. Обучение, начатое с детства, соответствует благовременному сеянию, а место, приспособленное для учения, — окружающему воздуху, из которого обыкновенно заимствует себе пищу все, что рождается из земли. Трудолюбие — это есть земледелие. Время же все это укрепляет для полной зрелости.

4. Когда все эти условия для медицинского искусства совмещены и приобретено истинное знание его, тогда только обходящие города для практики² не только на словах, но и на деле признаются за врачей. Но неопытность — плохое сокровище и плохое имущество для своих обладателей; ни во сне, ни наяву благодущию и душевной радости не причастная, она для трусости и дерзости — кормилица. Но ведь трусость знаменует бессилие, дерзость же — неискренность. Ибо две суть вещи: наука и мнение³; из них первая рождает знание, второе — невежество.

5. Но священные действия показываются только людям посвященным, профанам же — не прежде, чем они будут введены в таинства науки.

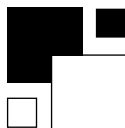

¹ Здесь имеются в виду так называемые «немые персонажи», которые фигурировали в театральных представлениях в виде статистов.

² Большинство врачей в то время переходило из города в город, оставаясь в них большее или меньшее время: это — врачи-периоденты; к их числу принадлежал и Гиппократ. Другие имели постоянные врачебные кабинеты и состояли на общественной службе.

³ Противоположность между научным знанием и простым мнением, или кажимостью, была свойственна философии того времени. С этими понятиями постоянно оперирует Платон; мы встречаемся с ними и в философии Аристотеля.

Афоризмы (ἀφορισμοί, aphorismi, буквально: отдельные мысли, или положения) пользовались во все времена наибольшей известностью. Их комментировало большинство древних комментаторов, включая Галена; издавали и комментировали в Новое время бесчисленное число раз с конца XV до середины XIX века. В принадлежности «Афоризмов» самому Гиппократу никто не сомневался, кроме некоторых ученых XIX века, да и то по причине «риторической напыщенности» некоторых афоризмов, приличествующей, скорее, софисту. В действительности этого совсем нет, как всякий может убедиться по прочтению; а кроме того «софистом» Гиппократ, несомненно, был по своему образованию, на что неоднократно указывалось, и это ничему не мешало. Только последний, 8-й, раздел афоризмов считался искони подложным; Гален указывает, что видел его лишь в некоторых рукописях; в дошедших до нас он имеется. Большинство афоризмов в нем заимствованы из книги «О седмицах».

Афоризмы представляют собой компендиум Гиппократовой медицины, как характеризовал их Гален. Это собрание прогностических, диететических и терапевтических правил, относящихся к различным болезням — не только внутренним, но и хирургическим и женским. Отдельные афоризмы с точностью передают мысли, развитые в ряде других сочинений Гиппократов: «О воздухах, водах и местностях», «Прогностике», «О диете при острых болезнях», «Эпидемиях». Поэтому читатель, ознакомившийся с этими произведениями, встретит много знакомого. Афоризмы предназначены для практического врача и сами являются плодом обширного практического опыта, врачебной эмпирии. Теоретические представления включаются постольку, по-

скольку это необходимо для общего понимания; они укладываются в тот же круг идей, который положен в основу вышеуказанных сочинений, да и большинства медицинских книг Сборника. Это учение о «кразе», т. е. правильном смешении соков нормального организма, и нарушении этого смешения, «дискразии», когда преобладание слизи, желчи или черной желчи вызывает болезнь, смотря по месту, куда они устремляются. Организм освобождается от болезнетворного начала, подвергая этот «сырой» «несмешанный» продукт процессу «варения», за чем должно следовать его выделение. Задача врача двоякая: во-первых, способствовать выделению вредных веществ, очищению организма; во-вторых, назначением соответствующей диеты поддерживать силы больного, не давая в то же время разгораться болезни. Перелом болезни, влекущий за собой выздоровление (а также и новый ее приступ), носит название «кризиса» и происходит в определенные «критические дни»; в них болезнь «разрешается» (или обостряется: «пароксизм»). Такие общие представления вполне удовлетворяли врачей того времени и позволяли им, не вдаваясь в теоретические тонкости, питать и очищать больных, а в случае необходимости — оперировать.

Распределение материала в «Афоризмах» таково:

1-й раздел: диететические правила для больных и здоровых (2 — 25 аф.).

2-й раздел: прогностические заметки (54 аф.).

3-й раздел: времена года и возрасты в их отношении к болезням (31 аф.).

4-й: рвота, очищение желудка, пот, прогностические признаки при лихорадках, моча (83 аф.).

5-й: конвульсии, чахотка, действие холода и тепла, гинекологические заметки и др. (72 аф.).

6-й: различные прогностические заметки (60 аф.).

7-й: побочные явления, осложнения, прогностические, заметки (79 аф.).

8-й: различные заметки (у Литтре всего 6, присоединенных к 7 разд., в др. изд. 18).

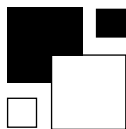
Из приведенного видно, что особого порядка в распределении афоризмов нет: местами они систематизированы, в других расположены вперемежку афоризмы различного характера. Имеются, кроме того, повторения одного и того же, не только различно выраженные, но и буквальные. В первых 6 разделах таких немного, только 3, но в 7-м разделе их 14, причем большинство заимствовано из 4-го раздела. Это обстоятельство заставляет задумываться, что собственно представляют собой афоризмы. Были ли это «памятные заметки», предназначенные для частного пользования, как предполагают некоторые, или для широкого, но в этом случае не вполне обработанные. Литтре предполагал, что публикация «Афоризмов» произошла уже после смерти Гипократа из его бумаг, так как при жизни он вряд ли выпустил бы в свет такое необработанное произведение. Дарамберг совершенно справедливо указывает, что «Афоризмы» надо разделить на 2 части. Первые 6 разделов по нашему делению представляют систематизированный труд, проводящий определенные идеи, но 7-й — простое собирание заметок, из которого, может быть, делались выборки для труда при его оформлении. Что касается 8-го, — он явно подложный, неизвестно как сюда попавший.

Как бы там ни было, «Афоризмы» и в их теперешнем виде сыграли громадную роль в практической медицине на протяжении ряда веков. Трудно назвать какое-нибудь другое медицинское сочинение, которое пользовалось бы такой популярностью. Но их не только хвалили, а много раз критиковали и опровергали. Самое первое свидетельство о Гипократе из медицинских кругов содержится в отрывке из сочинения знаменитого в свое время врача Диокла из Каристы.

Оно относится как раз к критике одного афоризма (II, 34). Далее, опровергали «Афоризмы» Фессал из Траллеса, Лик Македонский, Юлиан из Александрии. Опровержению Лика Гален посвятил целую книгу.

Первый перевод «Афоризмов» на латинский язык был сделан Пелопсом, учителем Галена, который, как передают, перевел их слово в слово. В Новое время они были переведены на все европейские языки, на некоторые — по многу раз. Надо заметить, что перевод всякого рода афоризмов и изречений представляет особые трудности, если желательно передать не только содержание, но и стиль, который часто сообщает особый оттенок мысли и который поэтому нельзя игнорировать.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЖИЗНЬ коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности¹.

2. При расстройствах желудка и при рвотах, происшедших сами собою, если только очистить все, что должно очистить, — это полезно и больными легко переносится. В противном случае — наоборот. Так точно и опорожнение сосудов; если можно произвести его так, как это следует делать, оно бывает полезно и легко переносится. В противном случае бывает наоборот². Итак, должно принимать во внимание и местность, и время, и возраст, и самые болезни, которые требуют того или нет.

3. У предавшихся гимнастическим упражнениям чрезвычайно хороший внешний вид тела становится опасен, когда достигает своих крайних пределов, ибо он не может оставаться в том же состоянии и при этом сохранять совершенное равновесие, не сохраняя же равновесия и не имея возможно-

сти все улучшаться, он по необходимости склоняется к худшему. Поэтому надо немедленно уменьшать — ослаблять этот хороший вид тела, чтобы оно опять получило первоначальную потребность питания. Но при этом не следует доводить похудание тела до крайности, ибо это опасно. Нужно доводить его до меры, сообразной с натурой лица, решающегося на подобное ослабление. Так точно и вообще всякое опорожнение, доходящее до крайности, опасно. И опять-таки упитывание, доходящее до крайности, тоже опасно.

4. Диета легкая и слишком строга в болезнях продолжительных всегда опасна, но бывает опасна и в острых болезнях в том случае, где она не уместна. С другой стороны, крайне скудная диета бывает трудна. Так точно бывает трудно и переполнение, доходящее до крайности.

5. При скудной диете больные допускают погрешности в ней и через это еще более получают вреда, ибо всякая ошибка, допускаемая в этом случае, делается гораздо более тяжелою при диете скудной, чем при несколько более питательной. Поэтому даже для людей здоровых бывает опасна весьма скудная, вымеренная и точная диета, потому что они более трудно переносят допускаемые здесь погрешности. Итак, в силу этого скудная и точная диета в большинстве случаев менее надежна, чем несколько более полная и питательная.

6. Но в самых сильных болезнях нужны и средства самые сильные, точно применяемые.

7. Там, где болезнь очень острая, она тотчас причиняет крайние страдания, и вот тогда-то необходимо употреблять строжайшую диету. Где же этого нет и болезнь позволяет питаться несколько больше, должно отступать от строгой диеты настолько, насколько болезнь будет более свободной от крайностей.

8. Когда болезнь достигает наивысшей точки, необходимо назначать самую строгую диету.

9. Следует также рассчитать в отношении больного, в силах ли он при своей диете выдержать высшую точку болезни — и он ли прежде ослабеет и не выдержит при своей диете или прежде уступит и ослабеет болезнь.

10. Итак, тех больных, у которых незамедлительно наступает наивысшая точка (*акме*) болезни, надо сразу же кормить скудно; у тех же, у которых эта наивысшая точка еще впереди, должно уменьшать пищу только приблизительно к тому времени или несколько раньше этого времени, а перед этим должно питать обильнее, чтобы больной мог выдержать болезнь.

11. Во время пароксизмов необходимо уменьшать пищу, ибо тогда предлагать ее вредно. А также если пароксизмы бывают через известные промежутки времени, то всякий раз во время таких пароксизмов следует уменьшать пищу.

12. Болезнь обнаруживает пароксизмы и состояния и по временам года, и по возвращению своих периодов, одного сравнительно с другим, именно бывают ли они ежедневно или через день или через более продолжительное время. Но также

есть и другие обнаружения или признаки, как, например, отхаркивание при плеврите; если оно появляется тотчас при начале болезни, то сокращает ее; если же появляется после, удлиняет ее. Так же точно моча, желудочные экскременты и пот показывают, будет ли болезнь легкая или трудная, краткая или продолжительная.

13. Старики весьма легко переносят пост; во вторую очередь — люди взрослые, труднее — люди молодые, а всех труднее — дети, и из этих последних — те, которые отличаются слишком большою живостью.

14. Дети, которые еще растут, имеют весьма много врожденной теплоты³ и поэтому нуждаются в весьма обильной пище; в противном случае тело их истощается. Но у стариков остается мало теплоты; поэтому они довольствуются малым питанием, ибо от избытка последнего теплота легко бы исчезла. Через это самое лихорадки у стариков не так остры, ибо тело у них холодное,

15. Зимой и весной желудки по природе бывают самые теплые и сон — самый продолжительный. Поэтому в эти времена года пищу надо употреблять в большем количестве, ибо чем больше врожденной теплоты, тем больше требуется питания; доказательством служат люди молодого возраста и атлеты.

16. Жидкая пища полезна для всех страждущих лихорадкою, и особенно для детей и для тех, которые к ней привыкли.

17. Также надо смотреть, кому полезно предлагать пищу раз в день или дважды и в большем или меньшем количестве

или по частям. Нужно также сообразоваться и с привычкой каждого, и с временем года, и с местностью, и с возрастом.

18. Летом и осенью пищу наитруднее переносят, зимою — наилегче, а затем — весною.

19. Тем, у которых бывают пароксизмы через известные периоды, не нужно ничего давать и не нужно их ни к чему принуждать, но должно убавлять пищу перед кризисом.

20. То, что разрешается или только что разрешилось, не должно ни двигать, ни вновь производить ни очищающими, ни другими возбуждающими средствами, но переждать.

21. Все, что необходимо отвести, должно направлять туда, куда наиболее оно само стремится, и через соответствующие места.

22. Все сварившееся должно очищать и уводить, но не сырое и не вначале, если оно еще не сильно выпирает. Но большею частью оно не выпирает сильно.

23. То, что выходит, должно судить не по количеству, а по тому, выходит ли оно как должно, легко ли переносит больной. И где необходимо производить это хотя бы до обморока, должно и это делать, если только больной выдержит,

24. В болезнях острых надо употреблять очистительные лекарства редко и притом вначале, и должно делать это не иначе как с большой осторожностью.

25. Если очищается все, что должно очиститься, это полезно и легко переносится; если же наоборот, то трудно (Аф. 2).

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Карпов. О Гиппократе.....5

Гиппократ

Клятва.....	11
Закон.....	19
Афоризмы.....	25
О врачах.....	87
О благоприличии.....	99
Наставления.....	113
Об искусстве.....	127
О древней медицине.....	147
Анатомия.....	181
О сердце.....	187
О железах.....	197
О природе человека.....	211
О здоровом образе жизни.....	237
О диете.....	247
О пище.....	355
Письма и речи.....	367

